

Проклятье небес в Доме музыки

«Военный реквием» Бриттена построен на острых конфликтах
независимая - 2006 - 21 марта - с 8

Анна Андрушкевич

В Светлановском зале Дома музыки прошел один из концертов абонемента «Великие кантаты и оратории». Исполнили, правда, не кантату и не ораторию, а заупокойную мессу, но уж точно великую и крайне редко в Москве звучащую – «Военный реквием» Бенджамина Бриттена.

Он был создан на заказ, к освящению нового собора в Ковентри в 1962 году. Замысел кажется ясным: сочинение памяти погибших друзей, примиряющий и одновременно протестующий против всякого насилия реквием. Но за его поверхностью скрываются такие бездны, что, присмотревшись, невольно вздрогнешь. Хор и сопрано solo поют текст католической службы, с ними играет симфонический оркестр; временами, как отстраненный надмирный глас, звучит хор мальчиков, который вместе с фисгармонией или небольшим органом должен располагаться в некотором отдалении. На первом плане при этом по замыслу Бриттена размещаются камерный оркестр и два солиста, баритон и тенор, которые как бы олицетворяют войну и поют не латинский духовный текст, а стихи Уилфреда Оуэна, поэта, погибшего в 25 лет во время Первой мировой. Поют они в основном от лица убитых или погибающих. Шокирующее впечатление производят при этом не только сами стихи, вливаемые внутрь латинской мессы, но и то, что они последовательно и настойчиво этой мессе противостоят. И конфликты получают такие острые, такие кричащие, что не вполне ясно, как к ним относиться. В одной из строф *Dies irae* хор взывает о спасении – а баритон просит пулемет выстрелить в небо, карающее этот мир; в ответ тема *Dies irae* еще более свирепеет, и гнев людей мешается с проклятием небес.

Хор поет шикарную фугу о воскресении, которое Господь «обещал Аврааму и семени его», – а тенор и баритон, пародируя библейскую историю, рассказывают, как Авраам, не вняв ангельскому голосу, зарезал сына своего Исаака и вместе с ним еще «пол-Европы, одного за другим»; после этого фуга возвращается растерянной и тихой и вскоре распадается на отдельные голоса. Что здесь имеется в виду? Для чего такие намеки? Это отрицание или искушение?

По традиции, состав солистов символично-интернационален: Бриттен писал для англичанина Питера Пирса, немца Дитриха Фишера-Дискау и Галины Вишневской (ее на премьеру из нашей страны не выпустили, но она приняла участие в концерте и первой записи Реквиема с теми же певцами в 1963 г.). Этой традиции со времен первых исполнений стараются следовать, и в ММДМ как раз все получилось: Джон Эйлер (тенор, США) и Кристиан Герхаер (баритон, Гер-

та то, что стояли у самого партера, звучали тише, чем сочное, роскошное сопрано, доносившееся из глубины сцены. Эйлер, казалось, пел на пределе, Герхаер, обладатель красивого баритона, чувствовал себя абсолютно свободно, – но вот не было у них интонаций, которые бы вдруг удивили и запали в душу. Татьяна Павловская и оба замечательных хора Виктора Попова произвели, пожалуй, большее впечатление, но тут нужно оговориться: так уж написан Реквием, что именно сопрано и хор достаются все самые красивые мелодии (тенор и баритон поют в основном речитативные монологи). В итоге по разным причинам католическая месса затмила фронтальные трагедии.

Что касается оркестра, то тут, что называется, всякое бывало. Были очень сомнительные соло струнных из камерного состава; были пугливые и робкие синкопы в фуге об Аврааме, отчего она при первом проведении как-то не прозвучала, поэтому набрать

Солисты поют от лица убитых

мания) были приглашены по рекомендации американца Джеймса Конлона, известного дирижера, уже не первый раз выступающего с Национальным филармоническим оркестром. Петью партию сопрано пригласили Татьяну Павловскую, солистку Маринки.

Расположили всех по мере сил и возможностей в соответствии с авторскими указаниями: камерный оркестр (собранный из музыкантов того же Национального филармонического) и двое зарубежных певцов заняли авансцену, остальные их окружили, хор мальчиков со своим дирижером разместился на балконе. Однако что же получилось? Тенор и баритон, несмотря

силу и потом испуганно рассылаться у нее не получилось. Но были и блистательные форте, и ясные медные эпизоды, и жутковатое тихое стаккато. Конлону не все на этот раз удалось, но очень важно, что у него есть возможность работать с Национальным филармоническим: он человек талантливый и смелый и, кажется, намерен и дальше выступать с далеко еще непривычным в Москве репертуаром. Например, в конце апреля он собирается исполнить «Море» (сложнейшую поэму Дебюсси) и «Русалочку» Цемлинского, которую у нас совсем не знают. ■

Анна Андрушкевич – музыкальный критик.